

Культурный уровень профессии архитектора рассматривается как условие развития архитектурной мысли и влияния архитектуры на судьбу социальных процессов. Исторический анализ свидетельствует о неуклонном падении интеллектуального и культурного уровня в профессии, вызванном изменением ее социальных функций и утратой способности к критическому осмыслению происходящих в обществе архитектуры перемен, о растущей зависимости архитектуры от экономической и политической бюрократии.

Ключевые слова: Политическая партия, архитектура, интеллигенция, культура, образование, профессия, критика, интерпретация. /

The article observes intellectual and cultural level of architecture and its important functions in social process. Historical analysis shows constant decline of intellectual level of profession, as a reaction on radical changes in its social functions and mass scale, leading to degrading of individual critical reflection and growing dependence of architecture to political and economical bureaucracy.

Keywords: Political party; architecture; intelligentsia; culture; education; profession; critique; interpretation.

Архитектура и интеллигенция / Architecture and Intelligentsia

...Во всех частях возникающего мирового социально-экономического порядка гуманисты-интеллектуалы и техническая интеллигенция составляют новый класс, который оспаривает контроль над экономикой, до настоящего времени осуществлявшийся либо бизнесменами, либо партийными лидерами.

А. Гулднер

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно. «Интеллектуальным силам», желающим нести науку народу (а не прислуживать капиталу), мы платим жалование выше среднего. Это факт. Мы их бережем. Это факт. Десятки тысяч офицеров у нас служат Красной Армии и побеждают вопреки сотням изменников. Это факт.

В. И. Ленин (из письма к Горькому 15 сентября 1919 года)

В дни советской власти и строительства коммунизма на одной шестой суши и далее в некоторых газетах, в том числе в газете «Правда», помещались весомые статьи (обычно так называемые подвалы, по редакционной терминологии, так как помещались внизу страницы), посвященные сложным и спорным вопросам духовной и политической

жизни. Один из таких подвалов, написанный, кажется, академиком Румянцевым, назывался, если я правильно помню, «Партия и интеллигенция».

Смысл этого со/противо-поставления был отчасти явным, отчасти тайным. Советская интеллигенция, оставаясь советской, в то же время неизгладимо напоминала свою связь с дореволюционной интеллигенцией, и это тревожило партию. Ведь партия, провозгласив себя умом, честью и совестью советского народа, невольно взяла на себя тяжкую ношу интеллигенции. И несла ее с соответствующей помпой. Разница, однако, была не в том, что интеллигенция, по словам Ленина, кажется, была не чем иным, как «говном» нации, но и в том, что интеллигенция, в отличие от КПСС, не имела строгой иерархической организации наподобие масонского ордена, не было никакого Политбюро интеллигенции, интеллигенция не избирала генсека, не вывешивала его портреты на улице в дни всенародных торжеств и не приравнивала его к бессмертным («Ленин и теперь живет всех живых» – так можно было бы сказать только о фараоне). Интеллигенция никогда не владела репрессивным аппаратом, который бы защищал ее от внешних и внутренних противников.

В одном, правда, было сходство: по какой-то традиции имена некоторых интеллигентов давались географическим и планировочным элементам планеты – улицам,

поселкам и пр. (улица Горького, площадь Пушкина, город Чехов). Так что тут, в топонимике, интеллигенция возвышалась до руководителей партии и героев войны, хотя, конечно, в меньшей пропорции.

Теперь, когда имена партийных лидеров постепенно с географических карт и уличных табличек исчезают, интеллигенция возвращается и становится гегемоном топонимии: в любом городе можно встретить улицу Чехова, площадь Льва Толстого, переулок Чайковского и пр. Встречаются даже имена архитекторов.

Проблема, однако, в другом. Партии, взявшей на себя миссию интеллигенции, приходилось теперь играть на публичной сцене сразу две роли – руководителя и учителя народа (в пределе – роль божества и его вестников) и самого народа как его авангарда, элиты или интеллигенции. Партия несла на себе функцию сразу двух элит – и партийной, и народной, что в пределе вело к слиянию народа и партии не только в моральном и идейном, но и демографическом единстве. Все люди должны были со временем, в гипотетическом будущем, стать членами партии (часть вместо целого становилась бы самим целым) и сделаться интеллигентными – к чему дело идет и по сей день, высшее образование становится уже всеобщей нормой, более всеобщей, чем воинская повинность.

В наши дни интеллигентность вменяется в обязанность уже и по уголовному кодексу. Ведь матерная

брань всегда считалась обиходной для «простого народа», интеллигенция (считалось) не матерится (Пушкин и Толстой, правда, сюда не попадают). Теперь же, когда материться запрещено уже всем, само собой получается, что сделан еще один шаг к всеобщей интеллигентности. Но тут и возникает проблема элиты. Интеллигенция в каком-то смысле всегда была элитой. А народ не может быть сам себе элитой.

В наши дни суверенной, но все же демократии, вопрос об элите повис в воздухе. Когда партия была единственной, проблемы не было. Но при множестве партий получается и множество элит, тем самым вопрос о беспартийной элите приобретает проблемную остроту.

Бюрократический путь решения этой проблемы состоит в нормативном положении, что интеллигентным называется всякий нефизический труд. Физики, например, им не занимаются, и, следовательно, они интеллигенция. Сложнее вопрос с профессиональными спортсменами и артистами, например, балета. Их труд (не считая шахматистов) все же физический. Но труднее всего в таком случае считать интеллигенцией чиновничество, которое, по крайней мере в дореволюционной России, к интеллигенции не относилось, хотя изредка могло и совпадать с ней.

Интеллигенция считалась не классом, а прослойкой. Получилась, однако, катавасия: классы исчезли, а прослойка росла. Дальнейший рост урбанизации и автоматизации приведет к тому, что все слои населения как один станут интеллигенцией, но как тогда быть с элитой и интеллигентностью?

Практически мы добились, что для того, чтобы числиться в интеллигенции, не обязательно быть интеллигентным. Достаточно иметь приличный заработок (и чиновничеству постоянно повышают уровень зарплат) и иметь какой-нибудь диплом. Теперь принадлежность к формально закрепленному социально положению определяется обладанием диплома, а не особой интеллигентностью как свойством этой социальной субстанции.

Итоги новой трактовки ощутимы. Интеллигенция, некогда питавшая ряды оппозиции, по новому своему определению стала лояльнейшим слоем общества – чиновничеством. Правда, самого этого слова не любят и предпочитают заменять его каким-нибудь термином вроде «сотрудник администрации» и т. п.

Бывшая интеллигенция отличалась своим общественным мнением, голосом. Новая интеллигенция, имея все права, голосом не обладает – это класс молчаливых. Но хоть молчание и есть знак согласия, в культуре современных наций имеется потребность своего рода гласности и обсуждения политики властей и духовного состояния нации. Одним молчанием эта функция не обходится. И тут формируется некий тайный союз власти и интеллигенции. Власть как бы не подпускает интеллигенцию к массовым СМИ, и потому голос ее не слышен. И на это жалуются все правозащитники и демократы: все, дескать, дело в свободе слова в СМИ. Но создается впечатление, что это скорее уход от проблемы. Те, кто мог бы и должен был бы по праву интеллигентной элиты подавать свой голос, сами предпочитают играть в молчанку.

Функцию имеющих голос исполняют, скорее всего, особые представители интеллигенции – дикторы радио и телевидения, журналисты и телеведущие и уж в крайнем случае артисты, эстрадные певцы, поэты и писатели.

Все прочие, ранее относившиеся к интеллигенции, – военные высших рангов, врачи, инженеры, ученые во всех областях науки, юристы, бизнесмены, педагоги, художники и last but not least архитекторы голоса не имеют. Это похоже на то, что Бодрийяр называл «молчаливым большинством», поскольку число их таково, что и к меньшинствам их отнести нельзя.

Но и это только малая часть проблемы. Самый состав людей, еще способных на ясное и критическое понимание ситуации, стал настолько истощенным, что нет гарантии изменения положения даже в случае радикальной перемены политики СМИ.

Допустим, властям это, действительно, на руку. Молчание знак согласия («промолчи – попадешь в богачи») – и слава богу. Но валишь всю вину на власть тоже неправильно. Ведь это молчание выражает тот факт, что людям либо нечего сказать (у кого есть, всегда находят способ это сделать, было бы желание), либо тем, что сама способность к интеллигентной речи исчезла объективно, в силу условий современного массового и специального образования.

Если интеллигентность сводится к наличию диплома, то вывод один:

дипломы будут подделывать и покупать. Корочками можно недорого обзавестись в любом подземном переходе. Интеллигентность же как свободомыслие, способное квалифицированно судить обо всех событиях духовной жизни, в подземном переходе не купишь. Судить обо всем по совести и с позиций образованности.

И тут придется заметить, что такая интеллигентность ни в коем случае не сводится к узкому профессиональному образованию. Судить о политике, новых научных и философских идеях, школах в литературе и искусстве, образе жизни, религиозных проблемах, экономике, судьбах нации, отношениях с внешним миром не учат ни в каком специальном институте (полагаю, что даже в МИЭМО и на философских факультетах университетов) это искусство добывается только путем самостоятельной работы, самообразования и интенсивного овладения культурной ситуацией.

Ссылаться на недостаток образования, времени или информации интеллигентное сознание не имеет никакого права, так как это медленно означает добровольный отказ от социальной ответственности. Еще недавно такие оправдания могли быть основательными. Не в каждом поселке можно получить доступ к собраниям книг центральных библиотек. Интернет эту проблему снял раз и навсегда. Сегодня каждый может получить ответ на любой вопрос, несколько разных ответов как по направленности, так и по глубине. Настало время, когда для интеллигентности не обязательно иметь двух домашних иностранных гувернанток и ежегодные поездки по Европе. Власть более не в силах контролировать распространение идей в сетях, которые ежедневно увеличивают мощь своей памяти. Бывший «мужик» Некрасова сегодня не нуждается в соседнем базаре с книгами Белинского и Гоголя.

Но для этого требуется и постоянная работа по обеспечению доступа к информации, которая в области архитектуры делает только первые шаги. В Интернете трудно найти оригинальные тесты трактатов по архитектуре XVI–XX веков, трудно найти отдельные статьи ведущих журналов XX века, книги, изданных в разных странах хотя бы по-английски, да и русские источники представлены выборочно. Но дело не только в специаль-

ной литературе. Интеллигентное владение профессиональным материалом предполагает достаточно свободное его истолкование в свете текущих научных, философских идей.

Мало процитировать, что сказал об архитектуре Маркс, Гегель, Фуко, Ницше или Деррида, – необходимо понять, какую роль играли их идеи в той или иной исторической и культурной ситуации и сохраняют ли они этот смысл сегодня и для нас в архитектуре. Такая способность воспитывается довольно упорным трудом и предполагает критическое понимание текстов. В СССР вместо этого предлагались цитаты, сопровождавшиеся идеологической интерпретацией. После крушения единой идеологии цитаты потеряли свой смысл. Нынешняя система школьного образования, как и обучения в архитектурных вузах, этой интерпретативной свободы не прививает.

Современная архитектурная критика обычно сводится к вкусовому описанию и подробностям, не дающим возможности взглянуть на вещи с исторически. Но обвинять в этом одни архитектурные школы было бы несправедливо, когда в нашей интеллектуальной среде и профессиональной печати исчезает критическая культура. Лишена интеллектуальной и социально-исторической свободы и критика кино и литературы, нет анализа организации научно-технических программ, что уж говорить о такой элитарной сфере, как архитектура.

Можно жаловаться на низкий уровень подготовки в вузах, но тут проблема в отсутствии соответствующих квалифицированных педагогов, и неизвестно, как восстановить уровень квалификации, еще имевший место в начале XX века. Упущено слишком многое, разрыв традиций слишком тотален. Тем более что в общей коммуникативной атмосфере присутствие интеллигенции утрачено. Сегодня радио и телевидение, изобилующие множеством интервью, ежедневно передают беседы с актерами или эстрадными певцами, но не слышно голосов ни ученых, ни инженеров, ни философов, ни педагогов, ни историков. Редкое исключение в отечественных СМИ давали программы Александра Гордона, но и их воспринимать было трудно. Так как в режиме обмена мнениями в этих беседах трудно было бы разъяснить суть дискуссий.

Газеты и журналы не имеют постоянных колонок архитектурных обозревателей. Дискуссии об архитектуре, кем бы они ни велись, остаются ниже современного состояния архитектуроведения, приспособиваясь к культурному уровню аудитории. В итоге сложилась атмосфера глухого недоверия к интеллекту как таковому. Он третируется как «умничание». Аудиторию и вольно, и еще чаще невольно удовлетворяют примитивным уровнем разговора. Но без возвращения интеллигентности в сферу общественного мнения архитектурная школа и профессия сама не способна поднять свой уровень, напротив, она его неуклонно понижает, приспособиваясь к общей безграмотности.

Иногда кажется, что академик излагает сложные мысли простым языком. На самом деле он простым (или нарочито усложненным) языком говорит о сложных ситуациях, не пытаясь раскрыть их действительный парадоксальный и проблемный смысл. И это уже не его вина, а его беда, так как он сам не получил в прошлые 50–70 лет должного образования и воспитания.

Положение дел в США и Западной Европе ненамного лучше.

Положение архитектуры и на Западе отражает разрушение тех интеллигентных слоев, которые имели авторитет и влияли на архитектурную конъюнктуру. Как только решающий голос в этом деле стали играть деньги, интеллектуальный уровень массовой печати начал падать, и лишь в университетах он еще держится, поскольку университеты в какой-то степени сохраняют свои традиции и независимость. В странах с тоталитарными режимами университеты и прочие высшие учебные и научные учреждения эту независимость сохранить оказались не способны, что привело и до сих пор ведет к разрушению стандартов профессионального мышления и образования.

Исправить это положение усилиями одиночек невозможно. Необходим общий социальный импульс, способный сдвинуть это дело с мертвой точки. Ведущаяся сейчас в РФ борьба с фальшивыми дипломами, плагиатом и прочими видами коррупции в академической сфере проходит на том же бессодержательном уровне бюрократической некомпетентности (механическая ловля плагиата в Интернете) и потому едва ли сулит какой-то прогресс. Круговая порука бюрократических и академических

кадров не обещает никаких изменений в этой сфере.

Здесь очень важно отдавать себе отчет в том, что такое очень высокая профессиональная культура одного академика или профессора, отдельная теоретическая концепция или любое другое частное совершенство не могут обеспечить полноценной архитектуры, что таковая достигается только в результате взаимопонимания референтных групп.

Некогда к этим референтным группам принадлежали монахи и аристократия. В XIX веке таковой стала интеллигенция. Но, не успев создать прочную культурную традицию, язык ее суждений оказался разрушен социальными процессами ускоренной урбанизации, демократизации, тоталитаризмом и консюмеризмом.

Восстановление этой согласованности во многом ложится на профессию, но одна профессия этого достичь не сможет, и никакая теория этого не обеспечит. Здесь только мировой культурный консенсус способен придать значимость интуиции и обеспечить индивидуальное мастерство.

Трудности достижения такого консенсуса невероятно велики. Если даже в сравнительно очевид-

ной для всех ситуации политических разногласий интеллигенция не удается добиться никакой внятной согласованности, то как представить себе ее в сфере архитектуры, захватывающей исторические судьбы, вновь на рубеже тысячелетий оказавшихся в состоянии радикальных перемен?

Никакая «теория» тут не поможет, так для ее понимания необходима согласованность культурных установок, достичь которой в современных условиях невозможно. Слишком глубоко разрушены традиции, которые даже и созреть-то не успели на рубеже XIX–XX веков.

На что же нам надеяться? Только на Господа Бога. Независимо от того, верим мы в него или нет. Тем более в ситуации, когда все противоборствующие группы могут сослаться на его волю.

Способна ли власть поставить этот вопрос на широкое обсуждение или эта миссия ложится на плечи самой профессии, профессиональной интеллигенции, обеспокоенной судьбами страны и мира, – вопрос отчасти риторический, но все же принципиальный.

**Александр Рапппорт /
Alexander Rappaport**

Особенности национального менеджмента / Peculiarities of National Management

Автор размышляет об особенностях менеджмента в России, в частности о современном опыте менеджмента в архитектурно-строительной сфере. По его мнению, деятельность российских менеджеров часто подчиняется своей, непонятной профессионалам логике. Основываясь на примерах из советской и российской действительности, автор проводит мысль, что менеджеры имеют свое мировоззрение, идеалы, религию, самосознание и даже язык.

Ключевые слова: менеджер, архитектор, происхождение, идеология, язык, самосознание. /

The author studies the peculiarities of management in Russia and its current experience in the field of architecture and construction in particular. He believes that Russian managers' activity often follows a specific logic, which is incomprehensible to professionals. Basing on the examples of Soviet and Russian reality, the author concludes that managers have their own world view, ideals, religion, self-consciousness and even language.

Keywords: manager; architect; origin; ideology; language; self-consciousness.

Никто не может служить двум господам: ибо или одного будут ненавидеть, а другого любить; или одному станут усердствовать, а другому не радеть. Не можете служить Богу и мамоне.

Мф 6:24

Во глубине Сибири я как-то услышал жутковатую притчу. Оказывается, две извечные беды России наконец-то оставили измученное тело нашей несчастной Родины, но тут же объявились две новые, неведомые ранее еще более страшные напасти – Инфраструктура и Менеджеры.

С инфраструктурой все вроде понятно. Просто раньше все ругали только дороги (инфраструктуру транспорта), а ныне обнаружилось, что ненамного лучше у нас обстоит дело с инженерными сетями,

образованием, здравоохранением, энергетикой. Системы обеспечения всего этого для краткости (и маскировки) стали называть на модный аглицкий манер «инфраструктурой»!

А вот с менеджерами все гораздо сложнее. Наши менеджеры не глупее западных собратьев, а как раз наоборот. Просто у российского менеджера иная, непонятная для нас, профессионалов, логика. Да что там логика, у них иное мировоззрение, идеалы, религия, самосознание и даже язык. Но и по Гумилеву, и по Бромлею все это признаки нового этноса – народа – племени.

Ну как тут сдержаться и не закричать вслед за поэтом: «Здравствуй племя молодое, незнакомое!» Однако мы, люди интеллигентные, все же сдержимся и постараемся изучить новый этнос с примене-